

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

КАК РОМАН ГУЛЬ РЕДАКТИРОВАЛ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «СЕНТЕНЦИЯ»)

Статья посвящена одному из эпизодов истории публикации «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова нью-йоркским «Новым журналом» (1966–1976). Полноправным редактором в это время был Р.Б. Гуль. Впоследствии он называл публикацию Шаламова своей исторической заслугой. Однако как редактор Гуль не проявлял корректности по отношению к автору и его текстам. Он вносил в произведение Шаламова весьма существенную правку, характер которой показан в статье на примере рассказа «Сентенция» – первого из пятидесяти, опубликованных им в «Новом журнале».

«Сентенция», «Колымские рассказы», Варлам Шаламов, Роман Гуль, «Новый журнал», первая публикация.

В настоящее время мной подготовлена к печати монография «Издать и перевести невозможное: из истории “Колымских рассказов”». Книга посвящена истории первой публикации «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова нью-йоркским «Новым журналом» (об этом говорится в 1-й главе), редакции М.Я. Геллера книги «Колымские рассказы», изданной в Лондоне в 1978 г. (2-я глава), переводов на английский язык Джона Глэда (3-я глава). В первой главе книги представлен подробный рассказ о «Новом журнале», о том, кто вывез «Колымские рассказы» из СССР, почему Роман Гуль считал рассказы «самым большим подарком для “Нового журнала”» (цит. по: [5, с. 234]), о самом Р.Б. Гуле и его самовольстве при редактировании Шаламова. Это – продолжение направления исследования, начатого Яковом Клоцем. Именно он дал подробную реконструкцию и интерпретацию истории первых публикаций Шаламова на Западе [5; 11]. В данной статье рассмотрим подход Гуля к редактированию рассказов Шаламова на примере первого из опубликованных им рассказов.

О том, что Гуль не собирался следовать воле Шаламова – его композиции колымской эпопеи, свидетельствует первый же выпуск рассказов в № 85 «Нового журнала» (№ 4 за 1966 г.). Он открывается отнюдь не рассказом «По снегу» (этот рассказ не будет представлен). От «Сентенции», заключительного рассказа второго цикла «Колымских рассказов» «Левый берег», Гуль вернется к первому циклу. Он пропустит «На представку» (опубликует в следующем номере), «Ночь» (рассказ не будет им опубликован), «Плотники» (будет в № 91) и «Одиночный замер» (будет в № 89). Не комментируя разброс, отметим, какие еще рассказы, кроме «Сентенции», Гуль включил в первый для читателей Шаламова выпуск: «Посылка», «Кант», «Сухим пайком». У Шаламова после «Посылки» идет «Дождь», но этот рассказ, по всей видимости, не был одобрен Гулем. Не буду останавливаться на дальнейших нарушениях художественной логики «художественной ткани» Шаламова – для Гуля их

словно не существовало. Закономерный вопрос неизбежен. Почему Гуль, декларировавший целью журнала «свободное творчество, свободную мысль», считал возможным нарушить в первом выпуске (и нарушать далее – во всех последующих) авторский замысел «Колымских рассказов»? Думается, ощущение целостного цикла очевидно и без знания комментария Шаламова, подчеркивавшего в эссе «О прозе» (1965):

Композиционная цельность – немалое качество «КР». В этом сборнике можно заменить и переставить лишь некоторые рассказы, а главные, опорные, должны стоять на своих местах. Все, кто читал «КР» – как целую книгу, а не отдельными рассказами – отметили большое, сильнейшее впечатление. Это говорят все читатели. Объясняется это не случайностью отбора, тщательным вниманием к композиции [8, с. 159].

Недоумение по поводу редактирования Гуля усиливается в связи с тем, что, если выбор пал именно на эти рассказы, логично было бы предположить, что их он оценил. Почему же он их правил, и была ли правка необходима? Наконец, какова реакция Шаламова на публикацию?

Известно, что № 85 «Нового журнала» был в домашней библиотеке Шаламова, откуда затем попал в архив Шаламова в РГАЛИ. В книге «Шаламов» серии «ЖЗЛ» В.В. Есипов справедливо предположил, что журнал – не сразу, а спустя какое-то время – могли передать знакомые, общавшиеся с зарубежными дипломатами и журналистами:

Шаламов, по свидетельству Сиротинской, был «взбешен» этой публикацией, которая заведомо разрушала художественную структуру его сборников: она начиналась в журнале почему-то «Сентенцией» и затем – в течение почти десятка лет! – тасовалась, как карты, в зависимости от воли редактора. При этом, что было самым оскорбительным для Шаламова, создавалось впечатление о его постоянном тайном сотрудничестве с «Новым журналом», что вызывало к нему дополнительное внимание. («При

моей и без того трудной биографии только связей с эмигрантами мне не хватало», – писал он в дневнике.) [4, с. 294].

Обратимся к первоисточнику – интервью И.П. Сиротинской Джону Глэду, где она сначала повторила, а затем скорректировала его формулировку о *недовольстве Шаламова Гулем*:

Глэд. *Он был недоволен Романом Гулем, редактором нью-йоркского «Нового журнала».*

Сиротинская. *Да, очень недоволен, он был просто в бешенстве. Гуль печатал его аптекарскими дозами. Первую книгу Варлам Тихонович отправил на Запад через Надежду Яковлевну Мандельштам. Насколько я знаю, это была единственная попытка публикации, предпринятая с его ведома. Но Шаламова очень разочаровало то, что сделали с его первой рукописью. Он ждал, что его издадут отдельным томом, что будет удар, резонанс, а из-за публикации маленькими дозами исчез эффект. Позже он счел, что Запад его не оценил, и перестал поддерживать отношения с западными гостями. Так что все последующие публикации были взяты из «самиздата» [3, с. 212–213].*

Ситуация сложилась парадоксальная. Гуль гордился: «Мы печатали Шаламова больше десяти лет и были первыми, кто открыл Западу этого замечательного писателя, взявшего своей темой – страшный и бесчеловечный ад Колымы» (цит. по: [5, с. 234–235]). Кларенс Браун, занимавшийся переправкой материалов Осипа и Надежды Мандельштам, а затем Шаламова в Штаты, считал себя борцом культурного фронта: «...мы вели войну на культурном фронте, публикуя писателей, которые раздражали убивших их диктаторов» [1, с. 439]. Шаламов же «был просто в бешенстве». Его гневное письмо в «Литературную газету» 15 февраля 1972 г. (напечатано 23 февраля) говорит само за себя:

Мне стало известно, что издающийся в Западной Германии антисоветский журнальчик на русском языке «Посев», а также антисоветский эмигрантский «Новый журнал» в Нью-Йорке <...> публикуют в своих клеветнических изданиях мои «Колымские рассказы». <...>

Подлый способ публикации, применяемый редакцией этих зловонных журнальчиков – по рассказу-два в номере – имеет целью создать у читателя впечатление, что я – их постоянный сотрудник.

Эта омерзительная змеиная практика господ из «Посева» и «Нового журнала» требует бича, клейма... [7].

Рассматривая первый из напечатанных Гулем рассказов Шаламова, приходишь к выводу, что не только сам факт разрозненной, беспорядочной публикации рассказов, но и характер правки мог возмутить автора. По меркам Гуля, «Сентенция» – не самый урезанный и сильно исправленный рассказ («Шоковую терапию», например, Гуль, значительно сократив, превратил в «Рауш-наркоз»). Гуль должен был высоко оценить «Сентенцию», чтобы именно ею открыть публикацию Шаламова в «Новом журнале». Тем не менее, правки много, и много выпущенного текста. Очевидно, что редактор брал на себя роль «скульптора, отсекающего все лишнее», ориентируясь на некую свою «норму», основой которой, как можно догадываться,

был его личный вкус, собственные стилистические пристрастия¹. Такая редакторская правка обычно называется «вкусовой», в принципе, отвергаемой правилами литературного редактирования. Но у Р. Гуля на этот счет, по-видимому, были свои правила.

Его правка подчас оправдана грамматикой, но воспринимается как излишне «правильная» для Шаламова, интуитивно ощущавшего естественность разговорной речи. У Шаламова – индивидуальный интонационный и звуковой рисунок. Это – «проза Пота», согласно И.П. Сиротинской [6], или, как писал сам Шаламов (см., например, «О моей прозе») «рассказы на звуковой основе».

Читая Шаламова, чувствуешь, что он ставит знаки препинания согласно произносимому (здесь и далее цитирую по собранию сочинений – СС: [9, с. 357–364]):

Люди возникали из небытия – один за другим. Незнакомый человек ложился по соседству со мной на нары, приваливался ночью к моему костлявому плечу, отдавая свое тепло – капли тепла – и получая взамен мое.

Гуль (здесь и далее цитирую по: [10, с. 8–11]) нарушает эту органику (здесь и далее подчеркнуто мной):

...отдавая свое тепло – капли тепла, и получая взамен мое.

У Шаламова пунктуация отражает структуру, смысл, интонацию. Его постановка тире требует серьезного исследования многозначности, семантики этого знака². Тире у Шаламова, прежде всего, – сигнал о значительной внутрифразовой паузе. В его тире – значительное собственно логическое и эмоционально-экспрессивное наполнение. Пунктуация выступает как особый семиотический код. Гуль, по-видимому, этого не ощущал.

Не учитывал он и того, что, согласно традициям русской художественной прозы, паремии в тексте не выделяются кавычками, а органично вплетаются в повествование. У Шаламова пословицы и поговорки становятся «своими», авторское растворяется в общем, народном:

Я никогда не задавал им вопросов, и не потому, что следовал арабской пословице: не спрашивай – и тебе не будут лгать. Мне было все равно – будут мне лгать или не будут, я был вне правды, вне лжи. У блатных на сей предмет есть жесткая, яркая, грубая поговорка, пронизанная глубоким презрением к задающему вопросу: не веришь – прими за сказку.

Гуль в данном случае, во-первых, дважды закавычил (вопреки Шаламову и нормам), во-вторых, убрал важное для Шаламова выделительное тире (*не спрашивай – и тебе не будут лгать*), в-третьих, убрал эпитеты *яркая, грубая* из характеристики поговорки:

Я никогда не задавал им вопросов, и не потому, что следовал арабской пословице: «Не спрашивай и тебе не будут лгать». <...> У блатных на сей предмет есть жесткая поговорка, пронизанная глубоким

¹ Вопрос о стиле Р. Гуля-прозаика (автора повести «Ледяной поход», автобиографии «Конь рыжий» и многих других произведений) в сопоставлении со стилем Шаламова заслуживает специального исследования.

² Искренняя признательность за обсуждение этих проблем к.ф.н., доценту ВоГУ Елене Павловне Андреевой.

презрением к задающему вопрос: *«Не веришь – прими за сказку».*

Правку Гуля, казалось бы, можно воспринять как излишнюю, ненужную, но, на самом деле, проблема глубже. Сопоставляя варианты Шаламова и Гуля, мы убеждаемся, что постановка лишних знаков препинания приводит подчас к нарушению правил русской пунктуации и, как правило, затемняет авторский смысл, меняет логический акцент. Читая Шаламова, мы ощущаем поток его мыслей, чувств. Гуль, если не останавливает, то замедляет этот поток. В данном случае замедляет постановкой ненужного тире перед *злой*, словно мы имеем дело не с потоком сознания; а также запятой после *и*, выделяющей деепричастный оборот. Там, где Шаламов повествует, устремляясь вперед, Гуль расчленяет поток сознания.

СС: *Что оставалось со мной до конца? Злоба. И храня эту злобу, я рассчитывал умереть.*

Гуль: *Что оставалось со мной до конца? – Злоба. И, храня эту злобу, я рассчитывал умереть.*

Продолжу цитирование.

СС: *Но смерть, такая близкая совсем недавно, стала понемногу отодвигаться. Не жизнью была смерть замещена, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью.*

Гуль: *... Не жизнью была замещена смерть, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью.*

У Шаламова за счет постановки причастия после существительного, не исключено, острее воспринимается эта оппозиция: *жизнь – смерть*, и потом вводится *полусознание*, не сливаясь со *смертью*, как у Гуля.

Гуль стремится к унификации, но его унификация разговорности Шаламова неизменно разочаровывает.

СС: *Я работал кипяtilьщиком – легчайшая из всех работ, легче, чем быть сторожем, но я не успевал нарубить дров для титана, кипяtilьника системы «Титан».*

Гуль: *Я работал кипяtilьщиком – легчайшая из всех работ, легче, чем быть сторожем, но я не успевал нарубить дров для «Титана», кипяtilьника системы «Титан».*

Далее – аналогично:

СС: *Я никогда не мог вовремя вскипятить воду, добиться, чтобы титан закипал к обеду.*

Гуль: *Я никогда не мог вовремя вскипятить воду, добиться, чтобы «Титан» закипал к обеду.*

Привлеку внимание к тому, что Гуль выпускает, а выпускает он много.

1) В журнале сохранено авторское:

Колыма научила всех нас [Гуль изменяет порядок слов – нас всех] различать питьевую воду только по температуре. Горячая, холодная, а не кипяченая и сырая.

Еще раз подчеркну, что изменение порядка слов так же, как и изменение пунктуационных знаков, приводит к иному восприятию смысловых акцентов автора.

Следующего абзаца у Гуля нет:

Нам не было дела до диалектического скачка перехода количества в качество. Мы не были философами. Мы были работягами, и наша горячая питьевая вода этих важных качеств скачка не имела.

Рассуждение показалось редактору «Нового журнала» слишком философическим?

2) Далее мы видим шаламовское предложение:

Я ел, равнодушно стараясь съесть все, что попало на глаза, – обрезки, обломки съестного, прошлогодние ягоды на болоте.

Следующие два предложения пропущены:

Вчерашний или позавчерашний суп из «вольного» котла. Нет, вчерашнего супа у наших вольняшек не оставалось.

Причину пропуска сложно предположить, как и в следующем случае.

3) Упущено предложение об анекдоте:

Существовал в юности, в детстве анекдот, как русский обходился в рассказе о путешествии за границу всего одним словом в разных интонационных комбинациях.

Следующее предложение дано:

Богатство русской ругани, ее неисчерпаемая оскорбительность [здесь Гуль поставил запятую] раскрылась [у Гуля – раскрылись] передо мной не в детстве и не в юности.

Об анекдоте, соответственно, Гуль снова убирает:

Анекдот с ругательством выглядел здесь как язык какой-нибудь институтки.

4) Гуль последовательно ограничивает экспрессивность и размах Шаламова (подчеркиваю им выпущенное):

Я прокричал это слово, встав на нары, обращаясь к небу, к бесконечности:

– Сентенция! Сентенция!

И захохотал.

– Сентенция! – орал [у Гуля – кричал] я прямо в северное небо, в двойную зарю, орал, еще не понимая значения этого родившегося во мне слова. А если это слово возвратилось, обретено вновь тем лучше, – тем лучше! Великая радость переполняла все мое существо [у Гуля – переполнила меня].

5) Исчезают и шаламовские кавычки для обозначения прозвища. У Шаламова они воспринимаются органично:

– Псих и есть! Ты – иностранец, что ли? – язвительно спрашивал горный инженер Вронский, тот самый Вронский. «Три табачинки».

– Вронский, дай закурить.

– Нет, у меня нету.

– Ну, хоть три табачинки.

– Три табачинки? Пожалуйста.

Из кисета, полного махорки, извлекались грязным ногтем три табачинки.

6) Выпускает Гуль и следующие подчеркнутые мной реплики:

– Иностранец? – Вопрос переводил нашу судьбу в мир провокаций и доносов, следствий и добавок срока.

Но мне не было дела до провокационного вопроса Вронского. Находка была чересчур огромна.

– Сентенция!

– Псих и есть.

С этим финальным произнесением новооткрытого слова и реакцией у Шаламова звучит психологически сильнее.

7) Подчас, как в разговоре о реке, «Новый журнал» проявляет небрежность.

СС: *Ее вечное движение, роко́т неумолчный, свой какой-то разговор, свое дело, которое заставляет воду бежать вниз по течению сквозь встречный ветер, пробиваясь сквозь скалы, пересекая степи, луга.*

Гуль: *Ее вечное движение, покой, неумолчный, свой...*

8) И снова Гуль позволит себе вычеркивать, пропускать. В «Новом журнале» есть предложения:

Сентенция! Я сам не верил себе, боялся, засыпая, что за ночь это вернувшееся ко мне слово исчезнет. Но слово не исчезало.

Всего дальнейшего нет.

СС: *Сентенция. Пусть так переименуют речку, на которой стоял наш поселок, наша командировка «Рио-рита». Чем это лучше «Сентенции»? Дурной вкус хозяина земли – картографа ввел на мировые карты Рио-риту. И исправить нельзя.*

Сентенция – что-то римское, твердое, латинское было в этом слове. Древний Рим для моего детства был историей политической борьбы, борьбы людей, а Древняя Греция была царством искусства. Хотя и в Древней Греции были политики и убийцы, а в Древнем Риме было немало людей искусства. Но детство мое обострило, упростило, сузило и разделило два этих очень разных мира. Сентенция – римское слово.

Гулю рассказы Шаламова казались очень однообразными и очень тяжелыми по темам (см. его письмо Брауну от 29 сентября 1966 г. при возвращении рукописи [5, с. 240]). Думается, что данный отрывок под эти критерии ни в коей мере не подпадает. Почему же он, как многие другие, удален?

9) Гуль продолжает править, снимая накал чувств Шаламова, размах, объемлющий мир, небо:

*Неделю я не понимал, что значит слово «сентенция». Я шептал это слово, выкрикивал, пугал и смешил этим словом соседей [Гуль: Я шептал его, пугал и смешил им соседей]. Я требовал у мира, у неба разгадки, объяснения, перевода. [Я хотел разгадки...] И далее снова убрано: *А через неделю понял – и содрогнулся от страха и радости. Страх – потому что пугался возвращения в тот мир, куда мне не было возврата. Радости – потому что видел, что жизнь возвращается ко мне помимо моей собственной воли.**

10) Не исключаю, что в силу неразборчивости машинописи, но Гуль поправил шаламовское начало предложения: *На огромном листовничном пне...* – в пользу листовного пня.

11) Убрал он и памятное своей выразительностью последнее предложение:

Шеллачная пластинка кружилась и шипела, кружился сам пень, заведенный на все свои триста кругов, как тугая пружина, закрученная на целых триста лет...

Правку особенно странно сознавать, когда ты прочел изначальную сноску к публикации на странице 5 (рассказы Шаламова и в дальнейшем будут часто открывать выпуски журнала):

Рукопись этих рассказов мы получили с оказией из СССР. Автор их В.Т. Шаламов, поэт и прозаик, проведший в концентрационных лагерях около 20 лет. Мы печатаем «Колымские рассказы» без согласия и ведома автора. В этом мы приносим В.Т. Шаламову

наши извинения. Но мы считаем нашей общественной обязанностью опубликовать «Колымские рассказы» как человеческий документ исключительной ценности. Первый рассказ «Сентенция» посвящен Н.Я. Мандельштам – жене погибшего в концлагере поэта Осипа Мандельштама [10, с. 5].

Безусловно, нужно было руководствоваться не только общественной обязанностью, но и личной ответственностью (в данном случае я имею в виду главного редактора – Романа Борисовича Гуля): публиковать написанное автором. Этот человеческий документ исключительной ценности достаточно было просто воспроизвести максимально аутентичным способом. Судя по уже упомянутому письму К. Брауну, Гуль счел рукопись ценной, но в публикацию целой книги он не верил: «Из нее надо бы сделать не очень большую книгу – страниц в 150–200 (большую ни один читатель не осилит)» [5, с. 240].

Пройдет еще 12 лет, прежде чем в 1978 г. в Лондоне выйдет 895-страничная книга «Колымские рассказы» под редакцией М.Я. Геллера. Он начнет предисловие с рассказа о страшной судьбе Шаламова и справедливо оценит как, *быть может, самый страшный удар* тот факт, что:

«Колымские рассказы», попав на Запад, не выйдут книгой, а печатаются на протяжении многих лет, по одному-два, вразброс, бессистемно, нередко «исправленные». Как если бы картина Рембрандта, обнаруженная на чердаке, была разрезана на мелкие куски, а потом демонстрировалась как куча обрезков. Возможно и по отдельным кускам – вот глаз, вот рука – удалось бы понять, что перед нами великое произведение искусства. Но картины – не было бы [2, с. 5–6].

Не упоминая фамилий, Геллер говорил и о Гуле. Он подчеркивал, что выпускает книгу «со всей возможной полнотой. Со всей возможной – в отсутствие автора – точностью, по рукописи, распространявшейся в самиздате» (Там же, с. 6). С одной стороны, это был реальный шаг вперед по сравнению с публикациями Гуля. С другой – Шаламов был жив и осенью 1978 г. даже ездил в Ялту в Дом творчества.

Литература

1. Браун, К. Воспоминания о Н. Я. Мандельштам и беседы с ней / К. Браун ; перевод с английского В. Литвинова // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / составитель и автор идеи Павел Нерлер. – Москва : Редакция Елены Шубиной : АСТ, 2015. – С. 434–483.

2. Геллер, М. М. Предисловие / М. М. Геллер // Шаламов, В. Т. Колымские рассказы. – London : Overseas Publications Interchange, 1978. – С. 5–16.

3. Глэд, Дж., Сиротинская, И.П. Жизнь и смерть Варлама Шаламова. Интервью Джона Глэда с Ираидой Павловой Сиротинской / Дж. Глэд, И. П. Сиротинская // Время и мы. – Нью-Йорк, 1992. – № 115. – С. 204–220.

4. Есипов, В. Шаламов / В. Есипов. – 2-е изд., испр. – Москва : Молодая гвардия, 2019. – 346 с.

5. Клоц, Я. Шаламов глазами русской эмиграции: «Колымские рассказы» в «Новом журнале» / Я. Клоц // «Закон сопротивления распаду». Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века : сборник научных трудов / под редакцией С. Соловьева, В. Еси-

пова, Я. Махонина [и др.]. – Прага : Национальная библиотека Чешской Республики – Славянская библиотека ; Москва : Веб-сайт Shalamov.ru, 2017. – С. 231–257.

6. Сиротинская, И. Александр Солженицын о Варламе Шаламове / И. Сиротинская // Новый мир. – 1999. – № 9. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/9/aleksandr-solzhenitsyn-o-varlame-shalamove.html (дата обращения: 10.01.2023). – Текст : электронный.

7. Шаламов, В. Письмо в «Литературную газету» / В. Шаламов // Литературная газета. – 1972. – 23 февраля. – URL: <https://shalamov.ru/library/24/73.html> (дата обращения: 10.01.2023). – Текст : электронный.

8. Шаламов, В. О прозе // Шаламов В. Собрание сочинений в шести томах / В. Шаламов ; составление, подготов-

ка текста, примечания И. Сиротинской. – Москва : Terra-Книжный клуб, 2005. – Т. 5. – С. 153.

9. Шаламов, В. Сентенция / В. Шаламов // Шаламов, В. Т. Собрание сочинений в четырех томах. – Москва : Художественная литература, Вагриус, 1998. – Т. 1. – С. 357–364.

10. Шаламов, В. Сентенция / В. Шаламов // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1966. – № 85. – С. 5, 8–11.

11. Klots, Y. Varlam Shalamov Between Tamizdat and the Soviet Writers' Union (1966–1978) / Y. Klots // Russian Literature. – Amsterdam. – 2018. – № 96–98. – P. 137–166. – URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/13546-varlam-shalamov-mezhdu-tamizdatom-i-soyuzom-sovetskih-pisateley-1966-1978> (дата обращения: 10.01.2023). – Текст : электронный.

L.V. Egorova

**ROMAN GUL'S EDITING OF VARLAM SHALAMOV'S «KOLYMA STORIES»
(AS INDICATED BY THE STORY «SENTENTIA»)**

The article is devoted to one of the episodes in the history of publication of Varlam Shalamov's «Kolyma Stories» by «The New Review» in New York (1966–1976). The chief editor at that time was Roman Gul. Subsequently, he called the publication of Shalamov his historical achievement. However, as an editor, Gul showed his extreme arbitrariness towards the author and his texts. He made a severe edit to Shalamov's works. The nature of his editorial approach is shown in the article on the basis of the story «Sententia» – the first of Shalamov's fifty stories published in «The New Review».

«Sententia», «Kolyma Stories», Varlam Shalamov, Roman Gul, «The New Review», the first publication.